

Герберт Уэллс

Страусы с молотка
(рассказы и статьи)

ФТМ

Герберт Уэллс
Страусы с молотка

«ФТМ»

Уэллс Г. Д.

Страусы с молотка / Г. Д. Уэллс — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2819-0

Герберт Уэллс (1866–1946) – английский писатель и публицист, классик научно-фантастической литературы. Рассказы Уэллса, сочетая в себе фантастику и реальность, выражают обеспокоенность автора будущим человечества в эпоху стремительного научно-технического прогресса. В сборник входят рассказы и статьи разных лет.

ISBN 978-5-4467-2819-0

© Уэллс Г. Д.

© ФТМ

Содержание

Рассказы	6
Страусы с молотка	6
Человек, который делал алмазы	9
Ограбление в Хэммерпонд-парке	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Герберт Уэллс
Страусы с молотка
Рассказы и статьи

- © Перевод. Т. Озерская, наследники, 2019
- © Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2019
- © Перевод. К. Чуковский, наследники, 2019
- © Перевод. Э. Березина, наследники, 2019
- © Перевод. Н. Явно, наследники, 2019
- © Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2019
- © Перевод. Н. Вольпин, наследники, 2019
- © Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Рассказы

Страусы с молотка (в переводе Т. Озерской)

– Уж если говорить о ценах на птиц, то мне довелось видеть страуса, который стоил триста фунтов стерлингов, – сказал мастер по набивке чучел, вспоминая свои молодые годы, когда он немало поколесил по свету. – Триста фунтов!

Он поглядел на меня поверх очков.

– А я видел такого, которого за четыреста продать отказались, – заметил я.

– Но ведь у тех птиц не было ничего особенного, это были самые обыкновенные страусы. Даже малость облезлые, потому что сидели на голодном пайке. И не то чтобы на этих птиц был тогда повышенный спрос. Я бы не сказал, чтобы пять страусов на борту судна Ост-Индской компании уж так дорого стоили. Нет, все дело было в том, что один из них проглотил бриллиант.

Пострадавший был не кто иной, как сэр Мохини, падишах – шикарный малый, ну прямо фронт с Пикадилли, сказали бы вы, оглядев его с ног до головы, вернее, с ног до плеч. Потому что выше торчала безобразная черная голова в этаким здоровенном тюрбане, а на тюрбане бриллиант. Чертова птица вдруг как клюнет камешек да и проглотила его, а когда этот тип поднял крик, смекнула, видно, что дело неладно, пошла и смешалась с другими страусами, чтобы сохранить свое инкогнито. Все произошло в одну минуту. Я прибежал туда чуть не раньше всех. Слышу, язычник этот призывает в свидетели всех своих богов, а двое матросов и тот малый, что вез страусов, так и помирают со смеху. Если вдуматься, так и вправду это ведь не совсем обычный способ терять драгоценности. Тот малый, приставленный к страусам, при самом происшествии не присутствовал и не знал, какая из птиц выкинула эту штуку. Видите, что получилось: камешек-то исчез бесследно. Сказать по правде, я не слишком огорчился. Этот фронт начал похвастаться своим дурацким бриллиантом, едва успел ступить на борт.

Ну, понятно, весть об этом мигом облетела весь корабль, от кормы до носа. Все стали судачить наперебой, а падишах спустился к себе в каюту чуть не плача. За обедом (падишах всегда, бывало, сидел за отдельным столиком с двумя другими индийцами) капитан слегка проехался на его счет, и это задело падишаха за живое. Он обернулся и начал кричать у меня над ухом. Не покупать же ему этих страусов! Он и так получит свой бриллиант обратно. Он британский подданный и знает свои права. Бриллиант должен быть найден. Вынь да положь! А не то он подаст жалобу в палату лордов.

Но малый, приставленный к страусам, оказался форменной дубиной – в его деревянную башку невозможно было ничего вколотить. Он наотрез отказался подпустить врача к своим страусам. Ему-де приказано кормить их только тем-то и тем-то и ухаживать за ними так-то и так-то, и он в два счета вылетит вон, если будет делать не то и не так. Падишах продолжал настаивать на промывании желудка, хотя, сами понимаете, птицам его делать никак невозможно. Падишах, как все эти несуразные бенгалцы, был начинен всякими там идеями насчет права и закона и все грозился наложить на страусов арест, ну и прочее и тому подобное. Но какой-то старикашка, у которого, по его словам, сын был адвокатом где-то в Лондоне, заявил, что предмет, проглоченный птицей, становится *ipso facto*¹ частью самой птицы, и потому единственное, что остается падишаху, – это требовать возмещения убытков. Но даже в этом случае

¹ В силу самого факта (*лат.*).

ответчик может сослаться на неосторожность пострадавшего. Какое он имел право находиться возле птицы, которая ему не принадлежит?

Тут падишах крепко приуныл, особенно когда почти все нашли эти соображения довольно резонными. Юриста на борту не оказалось, и мы судили и рядили об этом происшествии на все лады. Потом, когда уже миновали Аден, падишах, как видно, пришел к тому же мнению, что и мы, и втихомолку предложил малому, приставленному к страусам, продать ему все пять штук оптом.

На следующее утро за столом во время завтрака поднялся суций содом. Малый, который был при страусах, не имел, разумеется, никакого права торговать этими птицами и ни за что на свете не пошел бы на это, но он, как видно, дал понять падишаху, что один субъект, по фамилии Поттер, уже сделал ему такое же предложение, и падишах принялся бранить этого Поттера на чем свет стоит. Однако большинство склонялось к тому, что Поттер – малый не промах, и когда тот заявил, что уже телеграфировал из Адена в Лондон, испрашивая согласия на продажу птиц, и в Суэце должен получить ответ, я, признавшись, крепко ругнул себя за то, что упустил такой случай.

В Суэце Поттер сделался обладателем страусов, а падишах заплакал – да, заплакал самыми настоящими слезами – и с места в карьер предложил Поттеру за его страусов двести пятьдесят фунтов, то есть на двести с лишним процентов больше, чем уплатил за них сам Поттер. Но Поттер заявил, что пусть его повесят, если он уступит кому-нибудь хоть перышко. Он-де намерен заколоть их всех, одного за другим, и найти бриллиант. Но потом он, должно быть, передумал и пошел на уступки. Это был азартный человек, игрок и малость шулер, и, верно, такая затея – распродажа страусов «с сюрпризом» – пришлась ему по вкусу. Так или иначе, но он шутики ради решил спустить своих птичек поштучно с молотка, заломив для начала по восемьдесят фунтов за каждую, а себе оставить только одного страуса – на счастье.

Надо вам сказать, что бриллиант-то и в самом деле был очень ценный. Среди нас оказался один торговец драгоценностями, маленький такой человечек, еврей, так он с самого начала, как только падишах показал этот камень, оценил его в три-четыре тысячи фунтов, поэтому не удивительно, что эта «лотерея со страусами» имела успех. А я еще накануне разговорился о том о сем с малым, приставленным к страусам, и он как-то невзначай обмолвился, что один страус вроде занемог. Похоже, расстройство желудка, сказал он. Эта птица была приметная – с белым пером в хвосте, и на другой день, когда начался аукцион и первым пошел с молотка именно этот страус, я тут же надбавил еще пять к восьмидесяти пяти, которые сразу дал падишах. Боюсь, однако, что я малость погорячился, слишком поспешил с надбавкой, и остальные, должно быть, смекнули, что мне кое-что известно. А падишах, тот так и вцепился в этого страуса, все надбавлял и надбавлял, прямо как одержимый. Кончилось тем, что еврей купил эту птицу за сто семьдесят пять фунтов. Падишах крикнул: «Сто восемьдесят!», да уж поздно было, – молоток опустился, заявил Поттер. Словом, страус достался торговцу, а он, недолго думая, схватил ружье и пристрелил птицу. Тут Поттер поднял черт знает какой крик – ему хотят сорвать продажу остальных трех, вопил он, – а падишах, конечно, вел себя как форменный идиот. Впрочем, мы все порядком раскипятились. Признаться, я был без памяти рад, когда эту птицу наконец выпотрошили и никакого камня в ней не оказалось. Я ведь сам дошел до ста сорока фунтов, надбавляя цену за этого страуса.

Маленький еврей был как все евреи: он не стал убиваться из-за того, что ему не повезло, но Поттер отказался продолжать аукцион, пока все не примут его условие: товар выдается на руки только по окончании распродажи. Торговец драгоценностями принялся спорить – он доказывал, что тут случай особый. Мнения разделились почти поровну, и аукцион пришлось отложить до утра.

В этот вечер обед у нас прошел оживленно, смею вас уверить, но в конце концов Поттер поставил на своем: ведь всякому было ясно, что так для него меньше риска, а мы как-никак

были ему признательны за его изобретательность. Старикашка, у которого сын адвокат, заявил, что он обдумал это дело со всех сторон и ему кажется весьма сомнительным, чтобы, вскрыв птицу и обнаружив в ней бриллиант, можно было не вернуть его законному владельцу. А я, помнится, сказал, что тут пахнет статьей о незаконном присвоении ценных находок, да так оно, в сущности, и было. Разгорелся жаркий спор, и под конец мы решили, что, конечно, глупо убивать птицу на борту парохода. Тут старый джентльмен снова ударился в крючкотворство и принялся доказывать, что аукцион – это лотерея, а лотереи запрещены законом, и потащился жаловаться капитану. Но Поттер заявил, что он просто распродает страусов как самых обыкновенных птиц и знать не знает ни про какие бриллианты и никого ими не соблазняет. Наоборот, он уверен, что никакого бриллианта в этих трех птицах, предназначенных к продаже, нет. По его мнению, бриллиант должен быть в том страусе, которого он оставил себе. Во всяком случае, он очень и очень на это рассчитывает.

Как бы там ни было, на другой день страусы сильно поднялись в цене. Должно быть, цену им набило то, что теперь шансы увеличились на одну пятаю. Проклятые создания пошли с молотка в среднем по двести двадцать семь фунтов. И, удивительное дело, ни один из них не достался падишаху, ни один. Он только попусту драглотку, а в ту минуту, когда надо было надбавлять цену, вдруг начинал кричать, что наложит на страусов арест. Вдобавок Поттер явно ставил ему палки в колеса. Один страус достался тихому, молчаливому чиновнику, другой – маленькому еврею-торговцу, а третьего купили сообща судовые механики. И тут Поттер вдруг начал скулить – зачем он продал этих страусов! Вот, дескать, выбросил на ветер добрую тысячу фунтов, а его страус, верно, пустышка, и всегда-то он, Поттер, остается в дураках. Но когда я пошел потолковать с ним, не уступит ли он мне свой последний шанс, оказалось, что он уже продал своего страуса одному политическому деятелю, который возвращался из Индии, где проводил отпуск, занимаясь изучением общественных и моральных проблем. Этот последний страус пошел за триста фунтов.

Ну вот, в Бриндизи спустили с парохода трех этих чертовых птиц, хотя старый джентльмен усмотрел в этом нарушение таможенных правил. Там же вслед за страусами сошел на берег и Поттер, а за ним и падишах. Индиец едва не рехнулся, когда увидел, что его сокровище разъезжается, так сказать, в разные стороны. Он все твердил, что добьется наложения ареста (дался же ему этот арест!), и совал свои карточки с адресом всем, кто купил страусов, чтобы знали, куда послать бриллиант. Но никто не желал знать ни имени его, ни адреса и не собирался сообщать своего. Ну и скандал же они подняли на пристани! Потом все разъехались кто куда. А я поплыл дальше, в Саутгемптон, и там, когда сошел на берег, увидел последнего из страусов, того, что купили судовые механики. Эта глупая голенастая птица торчала возле сходней в какой-то клетке, и я подумал, что трудно подобрать более нелепую оправу для драгоценного камня. Если, конечно, бриллиант был там.

Чем все это кончилось? Да тем и кончилось. А впрочем... Да, похоже, что так оно и было. Тут, видите ли, одно обстоятельство проливает некоторый свет на это дело. Неделю спустя по возвращении домой я делал кое-какие покупки на Риджент-стрит, и как вы думаете, кого я там встретил? Падишаха и Поттера – прогуливаются себе под ручку, и оба веселые. Если малость вдуматься...

Да, мне это уже приходило в голову. Но только бриллиант был самый что ни на есть настоящий, тут сомневаться не приходится. И падишах тоже, безусловно, важная персона. Я видел его имя в газетах, и не раз. Ну, а вот действительно ли птица проглотила камень – это уж, как говорится, вопрос особый.

Человек, который делал алмазы (в переводе Н. Высоцкой)

Какое-то дело задержало меня на Ченсери-лейн до девяти вечера, голова слегка побаливала, и я не был расположен ни развлекаться, ни продолжать работу. Небольшой клочок неба меж каменных громад этого узкого ущелья, где днем бурлит движение, говорил о том, что наступил тихий вечер, и я решил спуститься к набережной – освежиться и дать отдых глазам, наблюдая игру разноцветных огней в струях реки. Без всякого сомнения, здесь лучше всего бывать ночью: в спасительной темноте не видно, как грязна вода, и огни нашего стремительного века – красный, ярко-оранжевый, ядовито-желтый и ослепительно-белый – светятся всевозможными оттенками, от дымчатого до темно-лилового. Сквозь пролеты моста Ватерлоо сотни светящихся точек обозначают изгиб набережной, а над парашютом на фоне звездного неба серой громадой встают башни Уэстминстера. Черная река течет спокойно, лишь изредка всплеск волны нарушает ее безмолвие и колеблет отражение огней, плывущих по ее глади.

– Какая теплая ночь, – произнес рядом со мной чей-то голос.

Я обернулся и увидел профиль человека, облокотившегося о парашют рядом со мной. Лицо у него было тонкое, не лишнее привлекательности, осунувшееся и бледное, а его пальто с поднятым и заколотым булавкой воротником не менее красноречиво, чем, скажем, мундир, говорило о жизни, которую вел этот человек. Я чувствовал, что, откликнувшись на его замечание, буду вынужден подать ему на ночлежку и чашку кофе.

С любопытством смотрел я на него. Сумеет ли он рассказать мне взамен что-нибудь стоящее, или передо мной обыкновенная бездарность, чурбан, неспособный даже рассказать о себе? Лоб и глаза изобличали в нем человека умного, нижняя губа слегка вздрагивала, и я решился.

– Да, очень теплая, – сказал я, – но нам здесь не слишком тепло.

– Нет, почему же, – возразил он, не отрывая глаз от воды – здесь очень приятно... сейчас, по крайней мере. Как хорошо найти в Лондоне такое спокойное местечко, – продолжал он, помолчав. – Весь день занят делами, стремишься добиться своего, выполнить кучу обязанностей и при этом не попасть впросак! Да я просто не знаю, как можно было бы жить, если б не такие вот тихие уголки.

Он говорил не спеша, то и дело умолкая.

– Вам, должно быть, знаком утомительный, повседневный труд, иначе вы не пришли бы сюда. Но вряд ли вы так измотаны и опустошены, как я... Эх! Иной раз мне кажется, что игра не стоит свеч. Хочется махнуть рукой на все: доброе имя, богатство, положение в обществе – и заняться чем-нибудь скромным и незаметным. Но я знаю: стоит мне отказаться от своей мечты, которая отняла у меня столько сил и здоровья, и я буду жалеть об этом до конца дней.

Незнакомец замолчал. Я глядел на него с удивлением. Передо мной стоял человек вконец обнищавший – я таких никогда не видел. Оборванный, грязный, давно не бритый и не чесанный, он, казалось, целую неделю провалялся на помойке. И он говорил мне об утомительных хлопотах, неизбежных при ведении крупных дел. Я чуть было не рассмеялся. То ли он сумасшедший, то ли горько шутит над собственной бедностью.

– Если благородные устремления и высокое положение, – заметил я, – всегда сопряжены с тяжелым трудом и немалыми заботами, то все же они имеют и хорошую сторону. Человек пользуется влиянием, может сделать доброе дело, помочь бедным и слабым; а кроме того, его радует сознание, что...

Моя шутка прозвучала крайне неуместно. Но меня раззадорило явное несоответствие речей незнакомца и его внешности. Еще не договорив, я уже пожалел о сказанном.

Он повернул ко мне свое изможденное, но невозмутимое лицо и сказал:

– Я забылся. Вам, конечно, не понять моих слов.

Какое-то мгновение он словно оценивал меня.

– Все это так нелепо. Вы, конечно, не поверите мне, даже если я вам скажу все, так что вряд ли стоит и рассказывать... Но все же так хочется открыться кому-нибудь... У меня в руках действительно выгодное дело, очень выгодное. Но именно сейчас я в большом затруднении. Дело в том, что я... я делаю алмазы.

– Должно быть, сейчас вы без работы? – спросил я.

– Как надоело мне это вечное недоверие! – нетерпеливо бросил незнакомец и, расстегнув свое драное пальто, достал маленький мешочек, висевший у него на шее. Он извлек из мешочка какой-то темный камешек и подал его мне.

– Сомневаюсь, сможете ли вы определить, что это такое.

За год перед тем мне пришлось изучать некоторые дисциплины для получения ученой степени, поэтому я имел известное представление о физике и минералогии. Камешек походил на неотшлифованный алмаз темной воды, хотя и был слишком велик – почти в сустав моего большого пальца. Взяв его в руки, я увидел, что это правильный восьмигранник с острыми гранями, характерными для большинства драгоценных камней. Достав перочинный нож, я попытался нанести на камешек царапину, но это мне не удалось. Тогда, повернувшись к фонарю, я легонько провел камешком по стеклу своих часов, и на нем остался белый след.

Сильно заинтересованный, я взглянул на своего собеседника.

– В самом деле похоже на алмаз. Но в таком случае это алмаз неслыханных размеров. Откуда он у вас?

– Говорю же, я сделал его сам, – отвечал он. – Давайте его сюда.

Он поспешно сунул камень в мешочек и застегнулся.

– Я продам вам его за сто фунтов, – вдруг горячо прошептал он.

При этих словах мои подозрения снова ожили. В конце концов, это мог быть просто-напросто кусок корунда, случайно напоминающий по форме алмаз и почти столь же твердый. А если даже это действительно алмаз, то как он попал к этому человеку и почему он отдает камень за сто фунтов?

Мы посмотрели друг другу в глаза. Видно было, что ему очень хочется продать камень, но ведь и честный человек может испытать такое желание. В этот миг я поверил, что он предлагает мне настоящий алмаз. Но я человек небогатый, и сто фунтов пробили бы довольно ощутимую брешь в моем бюджете. К тому же ни один нормальный человек не рискнет купить алмаз при свете газового фонаря, поверив на слово какому-то оборванцу. И все же при виде такого крупного алмаза у меня разыгралось воображение, и мне уже мерещились тысячи фунтов. Но тут я подумал, что такой алмаз, вероятно, упомянут во всех справочниках о драгоценных камнях. И снова в памяти всплыли рассказы о ловких мошенниках и о кафрах-контрабандистах, орудующих в Кейптауне.

Я решил обойти молчанием его предложение.

– Откуда же он все-таки у вас? – спросил я.

– Я его сделал.

Я кое-что слышал о Муассане², но, припомнив, что его искусственные алмазы были очень невелики, покачал головой.

– Вы, кажется, немного разбираетесь в такого рода вещах. Я расскажу вам кое-что о себе, и, может быть, тогда мое предложение перестанет казаться вам столь сомнительным. – Он повернулся спиной к реке, сунул руки в карманы и, вздохнув, заметил: – Но я знаю, вы мне все равно не поверите.

² Анри Муассан (1852–1907) – французский химик, получивший электротермическим путем некоторые металлы в чистом виде.

– Алмазы, – продолжал он, – могут быть получены путем нагревания чистого углерода до соответствующей температуры при соответствующем давлении. При этом углерод выкристаллизовывается, но не в виде графитовой или угольной пыли, а в виде мелких алмазов.

Теперь он говорил уже не как жалкий бродяга, а гладко и свободно, как интеллигентный человек.

– Это давно уже известно химикам, – продолжал он, – но никому еще не удалось установить, какая температура и какое давление дают наилучшие результаты. Из маленьких мутных алмазов, полученных химиками, нельзя делать бриллианты. И вот я посвятил свою жизнь решению этой проблемы – всю свою жизнь.

Я начал изучать способы изготовления алмазов, когда мне было семнадцать, а теперь мне уже тридцать два. Мне думалось, что если я буду работать над этой проблемой как проклятый десять или даже двадцать лет, то и тогда игра все же стоит свеч. Допустим, кто-нибудь попадет в самую точку прежде, чем секрет раскроют другие и алмазов станет столько же, сколько угля, – ведь этот человек будет загребать миллионы. Миллионы!

Он остановился и взглянул на меня, ища сочувствия. В его глазах появился жадный блеск.

– Подумать только, что я на пороге этого, и вот... В двадцать один год у меня была тысяча фунтов, – продолжал он, – я рассчитывал, что за вычетом небольшой суммы, которая пойдет на мое образование, этих денег хватит на опыты. Года два я учился – в основном в Берлине, – а затем стал заниматься самостоятельно. К несчастью, мне приходилось действовать втайне. Ведь если бы я ненароком выдал, чем занимаюсь, я мог бы заразить и других верой в осуществимость моей затеи. Тогда изобретатели стали бы лихорадочно работать в этом направлении, а я не считал себя таким уж гением и не надеялся опередить соперников. Так что, понимаете ли, поскольку я всерьез хотел разбогатеть, никто не должен был знать, что таким путем можно получать алмазы тоннами. И вот мне пришлось работать в одиночку. Сначала у меня была маленькая лаборатория, но когда мои средства стали подходить к концу, пришлось производить опыты в жалкой комнатке с голыми стенами в Кентиштауне, где я под конец спал на соломенном тюфяке, на полу, среди приборов. Деньги так и таяли. Я отказывал себе решительно во всем, но покупал новейшую аппаратуру. Я попытался перебиваться, давая уроки, но я не очень-то хороший педагог, да к тому же у меня нет ни университетского диплома, ни обширных познаний, – я силен только в химии. Оказалось, что за какие-то гроши я должен отдавать чуть ли не все свои силы и время. Но я быстро приближался к цели. Три года назад мне удалось получить пламя, которое могло давать необходимую температуру, и я почти разрешил проблему давления, поместив смесь собственного изготовления вместе с одним соединением углерода в пустую снарядную гильзу. Наполнив гильзу водой, я герметически закупорил ее и начал нагревать.

Он умолк.

– Довольно рискованно, – заметил я.

– Да. Смесь взорвалась, в комнате вылетели все стекла, разбилось много приборов; тем не менее я получил что-то вроде алмазной пыли. Отыскивая способ подвергнуть высокому давлению расплавленную массу, из которой выкристаллизовываются алмазы, я напал на изыскания некого Добрэ, работавшего в парижской лаборатории взрывчатых веществ. Этот ученый взрывал динамит в герметически закрытом стальном цилиндре, который выдерживал давление взрыва, и я узнал, что при желании Добрэ мог бы разнести в пыль глыбы, не менее твердые, чем африканские породы, в которых находят алмазы. Собрав последние средства, я заказал стальной цилиндр типа цилиндра Добрэ. Наполнив его своей смесью и взрывчаткой, я развел огонь в горне и пошел прогуляться.

У меня невольно вызвал улыбку будничным тоном, каким он все это рассказывал.

– Разве вы не подумали, что мог взорваться весь дом? Ведь там жили и другие люди?

– Все это делалось во имя науки, – сказал он, помолчав. – Этажом ниже жила семья уличного разносчика, в комнате напротив обретался нищенствующий писатель, а надо мной – две цветочницы. Вероятно, я поступил несколько легкомысленно. Но, я думаю, не все они были в это время дома. Когда я вернулся, цилиндр был в том же положении, среди раскаленных углей. Взрывчатка не разорвала его. И тут передо мной встала новая проблема. Вы знаете, что для кристаллизации необходимо время. Если ускорить процесс, кристаллы получатся маленькие, – только по истечении длительного времени могут они достигнуть значительных размеров. Я решил дать цилиндру остывать два года с тем, чтобы температура снижалась постепенно. К этому времени я остался уже совсем без денег; нужно было покупать уголь для горна, платить за комнату и что-то есть, а у меня не было ни гроша.

Чем только мне не приходилось заниматься, пока кристаллизовались алмазы! Я продавал газеты, держал под уздцы лошадей, открывал дверцы карет. Много недель подряд надписывал конверты. Служил подручным у уличного торговца и зазывал вместе с ним покупателей: он – с одной стороны улицы, я – с другой. Однажды я целую неделю был совсем без работы и просил милостыню. Что это было за время! Но вот огонь стал ослабевать. В тот день у меня не было во рту ни крошки; какой-то юнец, прогуливавшийся со своей подружкой, подал мне полшиллинга, чтобы покрасоваться перед ней. Да будет благословенно тщеславие! Какой соблазнительный запах доносился из рыбной лавки! Но я все же потратил все деньги на уголь – в горне снова ярко запыхал огонь и тут... С голоду глупеешь.

Под конец, три недели тому назад, я перестал поддерживать огонь. Я извлек цилиндр, вскрыл его – он был еще так горяч, что обжигал мне руки, – выскреб стамеской хрупкую лавообразную массу и размельчил ее молотком на чугунной плите. Я обнаружил в ней три крупных и пять мелких алмазов.

Когда я, сидя на полу, стучал молотком, вошел мой сосед-писатель. Он, по обыкновению, был пьян и бросил мне:

– А-анархист...

– Вы пьяны, – сказал я.

– Мерзкий поджигатель... – продолжал он.

– А пошел ты ко всем чертям! – отрезал я.

– Как бы не так, – отвечал сосед, хитро подмигнув. Тут он икнул, привалился к двери и, уставившись в потолок, принялся болтать. Он-де обследовал мою комнату и сегодня поутру сходил в полицию, где они записали все, что он рассказал. – Уж посмотрим, что это за драгоценности, – прибавил он.

Тут я понял, что попал в безвыходное положение. Либо мне придется открыть в полиции свой секрет – и тогда все пропало, – либо меня арестуют как анархиста. Словом, я подступил к своему соседу, схватил его за шиворот и хорошенько потряхнул, а потом, собрав свои алмазы, удрал. В вечерних газетах мое логово окрестили кентиштаунской фабрикой бомб. И теперь я ни добром, ни худом не могу разделаться с этими алмазами.

Если я обращаюсь к солидным ювелирам, меня просят немного подождать и шепотом велят приказчику сбежать за полицейским. Приходится говорить, что я не могу ждать. Я отыскал скупщика краденого, но он просто-напросто присвоил один из моих алмазов и предложил мне обратиться в суд, если я хочу получить его обратно. И вот я брожу бездомный и голодный, а в мешочке у меня пять алмазов стоимостью в несколько сот тысяч фунтов. Вам я доверился первому. Мне понравилось ваше лицо, и, кроме того, я дошел до точки.

Он посмотрел мне в глаза.

– Было бы сущим безумием с моей стороны купить этот алмаз при подобных обстоятельствах, – сказал я. – К тому же я не имею привычки носить с собой столько денег. И все же я почти уверен, что вы рассказали мне правду. Давайте, если хотите, сделаем так: приходите ко мне завтра в контору...

– Вы принимаете меня за жулика! – с горечью сказал он. – Вы заявите в полицию. Но я не намерен лезть в петлю.

– Я почему-то уверен, что вы совсем не жулик. Во всяком случае, вот моя визитная карточка. Возьмите ее. Вам незачем приходить в условленный час. Приходите когда вздумается.

Он взял карточку и, видимо, поверил в мою доброжелательность.

– Обдумайте все как следует и приходите, – заключил я.

Незнакомец с сомнением покачал головой.

– Когда-нибудь я верну вам ваши полкроны с такими процентами, что вы диву дадитесь, – сказал он. – Но так или иначе, надеюсь, вы не проболтаетесь?.. Не идите за мной.

Он перешел улицу и исчез в темноте – там, где лестница под аркой ведет к Эссекс-стрит, – и я дал ему уйти. Больше я его ни разу не видел.

Впоследствии я получил от него два письма с просьбой прислать денег – банкнотами, не чеком – по указанному адресу. Я все обдумал и поступил, как мне казалось, вполне благо-разумно. Как-то раз он зашел ко мне домой, но не застал меня. Сынишка описал мне его – страшно худой, грязный и оборванный человек, сильно кашлявший. Он не оставил никакой записки. Это все, что я могу о нем рассказать. Порой я размышляю о том, какая судьба его постигла. Был ли то просто-напросто отчаянный фантазер и маньяк, или же мошенник, занимавшийся подделкой драгоценных камней, или, быть может, он и в самом деле делал алмазы? Последнее предположение кажется мне вполне вероятным, и я порой думаю, что упустил самую блестящую возможность в своей жизни. Конечно, он, может быть, уже умер, и происхождение его алмазов никого не интересует, – один из них, я повторяю, был величиною почти с сустав моего большого пальца. А может быть, он и по сей день бродит по свету, тщетно надеясь их продать. Вполне возможно, что он еще вынырнет и промелькнет на моем горизонте с безмятежным видом богатого и преуспевающего человека, молчаливо упрекнув меня за недостаток предприимчивости. Иногда мне кажется, что я все же мог бы рискнуть хотя бы пятью фунтами.

1895

Ограбление в Хэммерпонд-парке (в переводе Н. Высоцкой)

Еще вопрос, следует ли считать кражу со взломом спортом, ремеслом или искусством. Ремеслом ее не назовешь, так как техника этого дела вряд ли достаточно разработана, но не назовешь ее и искусством, ибо здесь всегда присутствует доля корысти, пятнающей все дело. Пожалуй, правильнее всего считать грабеж спортом – таким видом спорта, где правила и по сей день еще не установлены, а призы вручаются самым неофициальным путем. Неофициальный образ действий взломщиков и привел к печальному провалу двух подающих надежды новичков, орудовавших в Хэммерпонд-парке.

Ставкой в этом деле были бриллианты и другие фамильные драгоценности новоиспеченной леди Эвелинг. Читателю следует не упускать из виду, что молодая леди Эвелинг была единственной дочерью небезызвестной хозяйки гостиницы миссис Монтегю Пэнгз. В газетах много шумели о ее свадьбе с лордом Эвелингом, о количестве и качестве свадебных подарков и о том, что медовый месяц предполагалось провести в Хэммерпонде.

Возможность захватить столь ценные трофеи вызвала сильное волнение в небольшом кружке, общепризнанным вожаком которого являлся мистер Тедди Уоткинс. Было решено, что он в сопровождении квалифицированного помощника посетит Хэммерпонд, дабы проявить там во всем блеске свои профессиональные способности.

Как человек скромный и застенчивый, мистер Уоткинс решил нанести этот визит инкогнито и, поразмыслив должным образом над всеми обстоятельствами дела, остановился на роли пейзажиста с заурядной фамилией Смит.

Уоткинс отправился один: условились, что помощник присоединится к нему лишь накануне его отъезда из Хэммерпонда – на другой день к вечеру.

Хэммерпонд, пожалуй, один из самых живописных уголков Суссекса. Там уцелело еще немало домиков под соломенной крышей; приютившаяся под горой каменная церковь с высоким шпилем – одна из самых красивых в графстве, и ее почти не испортили реставраторы, а дорога, ведущая к роскошному особняку, извивается меж буков и густых зарослей папоротника; местность изобилует тем, что доморощенные художники и фотографы именуют «видами». Поэтому мистера Уоткинса, прибывшего туда с двумя чистыми холстами, новеньким мольбертом, этюдником, чемоданчиком, невинной маленькой складной лестницей (вроде той, какую пользовался недавно умерший виртуоз Чарлз Пис), а также ломом и мотком проволоки, с энтузиазмом и не без любопытства приветствовало с полдюжины собратьев по искусству. Это обстоятельство неожиданно придало некоторое правдоподобие избранной Уоткинсом маскировке, но вовлекло его в бесконечные разговоры о живописи, к чему он был совсем не подготовлен.

– Часто ли вы выставлялись? – спросил его молодой Порсон. Разговор происходил в трактире «Карета и лошади», где мистер Уоткинс в день своего приезда успешно собирал нужные сведения.

– Да нет, не очень, – отвечал мистер Уоткинс. – Так, от случая к случаю.

– В академии?

– Да, конечно. И в Хрустальном дворце.

– Удачно ли вас вешали? – продолжал Порсон.

– Брось трепаться, – оборвал его мистер Уоткинс. – Я этого не люблю.

– Я хочу сказать: хорошее ли вам отводили местечко?

– Это еще что такое? – подозрительно протянул мистер Уоткинс. – Сдается мне, вам охота выведать, случалось ли мне засыпаться.

Порсон воспитывался у теток, и он, не в пример прочим художникам, был хорошо воспитанным молодым человеком; он понятия не имел, что значит «засыпаться», однако счел нужным пояснить, что не хотел сказать ничего подобного. И так как вопрос о вешании, казалось, слишком задевал мистера Уоткинса, Порсон решил переменить тему разговора.

– Делаете вы эскизы с обнаженной натуры?

– Никогда не был силен в обнаженных натурах, – отвечал мистер Уоткинс. – Этим занимается моя девчонка, то есть, я хочу сказать, миссис Смит.

– Так она тоже рисует? – воскликнул Порсон. – Как интересно!

– Ужасно интересно! – отвечал мистер Уоткинс, хотя вовсе этого не думал, и, почувствовав, что разговор выходит за пределы его возможностей, добавил: – Я приехал сюда, чтобы написать Хэммерпондский особняк при лунном свете.

– Неужели! – воскликнул Порсон. – Какая оригинальная идея!

– Да, – отвечал мистер Уоткинс. – Я был до смерти рад, когда она осенила меня. Думаю начать завтра ночью.

– Как? Не собираетесь же вы писать ночью под открытым небом?

– А вот как раз и собираюсь.

– Да как же вы разглядите в темноте холст?

– У меня с собой «светлячок»... – начал было с увлечением Уоткинс, но тут же, спохватившись, крикнул мисс Дарген, чтобы она принесла еще кружку пива. – Я собираюсь обзавестись одной вещицей – специальным фонарем, – прибавил он.

– Но ведь скоро новолуние, – заметил Порсон. – И луны не будет.

– Зато дом будет, – возразил Уоткинс. – Видите ли, я собираюсь написать сперва дом, а потом уж луну.

– Вот как! – воскликнул Порсон, слишком ошеломленный, чтобы продолжать разговор.

– Однако поговаривают, что каждую ночь в доме ночует не меньше трех полицейских из Хэзлуорта, – заметил хозяин гостиницы, старик Дарген, хранивший скромное молчание, пока шел профессиональный разговор. – И все из-за этих самых драгоценностей леди Эвелинг. Пршлую ночь один из полицейских здорово обыграл в девятку лакея.

На исходе следующего дня мистер Уоткинс, вооруженный чистым холстом, мольбертом и весьма объемистым чемоданом с прочими принадлежностями, прошествовал прелестной тропинкой через буковую рощу в Хэммерпондский парк и занял перед домом господствующую позицию. Здесь его узрел мистер Рафаэль Сант, возвращавшийся через парк после осмотра меловых карьеров. И так как его любопытство было подогрето рассказами Порсона о вновь прибывшем художнике, он свернул в сторону, намереваясь потолковать о служении искусству в ночное время.

Мистер Уоткинс, как видно, не подозревал о его приближении. Он только что дружески побеседовал с дворецким леди Эвелинг, и тот удалялся теперь в окружении трех комнатных собачек, прогуливать которых после обеда входило в круг его обязанностей. Мистер Уоткинс с величайшим усердием смешивал краски. Приблизившись, Сант был совершенно сражен невероятно крикливым, сногшибательно изумрудным цветом. Сант, с малых лет необычайно чувствительный к цветовой гамме, взглянув на эту мешанину, даже присвистнул от удивления. Мистер Уоткинс обернулся, он был явно раздосадован.

– Какого черта вы хотите делать этой адской зеленью? – воскликнул Сант.

Мистер Уоткинс почувствовал, что перестарался: разыгрывая перед дворецким роль усердного художника, он совершил какую-то профессиональную оплошность. Он растерянно поглядел на Санта.

– Извините меня за вмешательство, – продолжал тот. – Но в самом деле этот зеленый слишком необычен. Он прямо-таки сразил меня. Что же вы думаете им писать?

Мистер Уоткинс напряг все свои умственные силы. Только отчаянный шаг мог спасти положение.

– Если вы пришли сюда мешать мне работать, – выпалил он, – я распишу им вашу физиономию!

Сант, человек добродушный, тут же ретировался.

Спускаясь с холма, он повстречал Порсона и Уэйнрайта.

– Это или гений, или опасный сумасшедший, – заявил он. – Поднимитесь-ка на горку и взгляните на его зелень.

И Сант пошел своей дорогой. Лицо его расплылось в улыбке: он уже предвкушал веселую потасовку в сумерках возле мольберта, среди потоков зеленой краски.

Но с Порсоном и Уэйнрайтом мистер Уоткинс обошелся менее враждебно и объяснил, что намеревался загрунтовать картину зеленым тоном. В ответ на их замечания он сказал, что это совершенно новый, им самим изобретенный метод. Но тут же стал более сдержанным, объяснил, что вовсе не намерен открывать всякому встречному и поперечному секреты своего стиля, и подпустил несколько ехидных словечек касательно подлости некоторых «пронырливых» субъектов, которые стараются выведать у мастера его приемы. Это немедленно избавило Уоткинса от присутствия художников.

Сумерки сгустились, загорелась первая звезда, за ней – вторая. Грачи на высоких деревьях слева от дома давно уже умолкли и погрузились в дремоту, и дом, утратив четкость очертаний, превратился в темную громаду. Потом ярко загорелись окна залы, осветился зимний сад, тут и там замелькали огоньки в спальнях. Если бы кто-нибудь подошел сейчас к мольберту, стоявшему в парке, он не обнаружил бы поблизости ни души. Девственную белизну холста оскверняло неприличное словцо, коротенькое и ядовито-зеленое. Мистер Уоткинс вместе со своим помощником, который без лишнего шума присоединился к нему, вынырнув из главной аллеи, занимался в кустах какими-то приготовлениями. Он уже поздравлял себя с остроумной выдумкой, благодаря которой ему удалось на виду у всех нахально пронести все свои инструменты прямо к месту действия.

– Вон там ее будуар, – объяснил он своему помощнику.

– Как только горничная возьмет свечу и спустится ужинать, мы заглянем туда. Черт возьми! А домик и вправду красив при свете звезд, да как здорово освещены все окна! Знаешь, Джим, а ведь я, пожалуй, не прочь бы стать художником, черт меня побери! Ты натянул проволоку над тропинкой, что ведет к прачечной?

Он осторожно приблизился к дому, подкрался к окну будуара и принялся собирать свою складную лесенку. Уоткинс был слишком опытным профессионалом, чтобы почувствовать при этом хотя бы легкое волнение. Джим стоял на стреме у окна курительной.

Вдруг в кустах, совсем рядом с мистером Уоткинсом, раздался сильный треск и сдавленная ругань: кто-то споткнулся о проволоку, только что натянутую его помощником. А потом Уоткинс услышал у себя за спиной, на дорожке, посыпанной гравием, быстрые шаги. Как и все настоящие художники, мистер Уоткинс был человек на редкость застенчивый, поэтому он тут же бросил свою складную лесенку и кинулся бежать через кусты. Он смутно чувствовал, что за ним по пятам гонятся двое, и ему показалось, что впереди он различает фигуру своего помощника. Не теряя времени, он перемахнул через низкую каменную ограду, окружавшую кустарник, и очутился в парке. Он услышал, как вслед за ним на траву прыгнули двое.

Это была бешеная гонка в темноте, меж деревьев. Мистер Уоткинс был сухопарый, хорошо натренированный мужчина; он шаг за шагом нагонял тяжело дышавшего человека, который мчался впереди. Они бежали молча, но когда мистер Уоткинс стал догонять беглеца, на него вдруг напало ужасное сомнение. В тот же миг незнакомец обернулся и удивленно вскрикнул.

«Да это вовсе не Джим!» – пронеслось в голове у мистера Уоткинса. Тут незнакомец кинулся ему под ноги, и они, сцепившись, повалились на землю.

– Навались, Билл! – крикнул незнакомец подбежавшему товарищу.

И Билл навалился, пустив в ход руки и ноги. Четвертый же, по всей видимости, Джим, вероятно, свернул в сторону и скрылся в неизвестном направлении. Так или иначе, он не присоединился к этому трио.

То, что последовало дальше, почти испарилось из памяти Уоткинса. Он с трудом вспомнил, что попал первому из преследователей большим пальцем в рот и опасался за целостность своего пальца, а потом несколько секунд прижимал к земле, схватив за волосы, голову человека, которого, по-видимому, звали Билл. Его самого крепко лупили по чем попало, как будто на него навалилась целая куча народу. Затем тот из двоих, который не был Биллом, уперся Уоткинсу коленкой в грудь и попытался прижать его к земле.

Когда в голове у мистера Уоткинса немного прояснилось, он обнаружил, что сидит на траве, а вокруг столпилось человек восемь – десять. Ночь была темная, и он слишком отчаялся, чтобы считать. По всей видимости, они дожидались, когда он очнется. Мистер Уоткинс с прискорбием пришел к заключению, что он попался, и, вероятно, принялся бы философствовать о превратностях судьбы, если бы крепкая взбучка не лишила его дара речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.